

11

**<Извещение о перезахоронении останков
К. В. Лившица в братскую могилу>***29 сентября 1978 года*

Министерство культуры РСФСР
 Дирекция памятника-ансамбля
 ГЕРОЯМ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ
 400066, г. Волгоград, 66 Мамаев курган.
 Тел. 33-27-11
 34-21-02
 № 472
 29 сентября 1978 г.

Уважаемая тов. Веселовская М. Н.!

Сообщаем, что в памятных списках погибших за Сталинград значится Лившиц Кирилл Венедиктович, погибший 18 октября 1942 года. Извещение о гибели <от> командира отдельной бригады траления от 29.10.42 г. № 656.

Ныне его останки вместе с другими воинами перезахоронены в братскую могилу у подножия Главного монумента «Родина-мать» на Мамаевом кургане.

Больше никакими данными мы не располагаем.

Для окончательного уточнения, действительно ли это тот человек, о котором Вы спрашиваете, необходимо через местный военкомат запросить Центральный Архив МО СССР в г. Подольске (индекс 142100) Московской области. Копию документа, полученного из Подольска, вышлите по адресу: Волгоград, 66, Облвоенкомат, военкому.

Директор памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы»
 Т. Ф. Дюндиков

Адрес: «197022, г. Ленинград, ул. Льва Толстого, 1/3, кв. 68, Веселовской М. Н.».

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-178-191

**И. А. БУНИН. ИЗ ДНЕВНИКОВ 1944–1945 ГОДОВ.
 ДНЕВНИКИ 1946–1953 ГОДОВ***

**(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
 © Т. М. ДВИНЯТИНОЙ)**

(Окончание)**

14 октября 1946 года

14/1 окт. 46

Покров. Рождение Веры.¹

Все думаю, какой чудовищный день послезавтра в Нюрнберге.² Чудовищно преступны, достойны виселицы — и все-таки душа не принимает того, что послезавтра

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»). За постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса. За расшифровку ряда записей и помощь при комментировании благодарю также Г. З. Брэдли, М. В. Захарову и О. А. Ростову. Тексты печатаются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

** Начало публикации см.: Русская литература. 2018. № 4. С. 190–201.

будет сделано людьми. И совершенно невозможно представить себе, как могут все те, которые послезавтра будут удушены как собаки, ждать этого часа, пить, есть, ходить в нужник, спать эти две их последние ночи на земле...

РАЛ. MS 1066/539. Автограф, низ страницы с частью текста оторван. Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной (с той же лакуной в конце).

¹ В. Н. Бунина родилась 1 (13) октября 1881 года. Бунин допускает распространенную погрешность при переводе дат XIX века на новый стиль в XX веке, прибавляя к ним на один день больше (не 12, а 13); церковные же даты по юлианскому календарю переводятся на новый стиль с учетом дополнительного дня.

² Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге был приведен в исполнение в ночь на 16 октября 1946 года.

27 марта 1948 года

Хвалите Господа небес¹
27.3.48

РАЛ. MS 1066/577. Автограф на обрывке бумаги, дата написана на обороте.

¹ «Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних...» — начало псалма 148. В той форме, в какой его записал Бунин, может быть цитатой из поэтического переложения этого псалма И. Ф. Богдановичем «Хвалите Господа небес...» (1760). См. также недатированную запись в записной книжке Бунина: «„Хвалите Господа небес!.. Слава Тебе, Господи! Слава!“ и т. д. — без конца. / Очевидно, это высшая человеческая мечта, высшее желание — славиться. Очевидно, люди убеждены, что и Богу самое приятное, чтобы Его хвалили, славили, прославляли» (РАЛ. MS 1066/550. Л. 21).

28 марта 1948 года

Иоллэс¹ такой мерзавец, что даже и <сред>и² теперешних редкость. 28.3.1948

РАЛ. MS 1066/565. Автограф (черные чернила, обрывок бумаги, среди других записей). Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной.

¹ В 1942 году Е. Д. Кускова рекомендовала Бунину Владимира Григорьевича Иоллоса (W. Jollos) как «прекрасного переводчика, способного оценить и передать» бунинский стиль и подготовить издание «Темных аллей» на немецком языке. Но видимо, Бунин параллельно делегировал полномочия переговоров с издателями и другому лицу, что расстроило все дело, оскорбило Иоллоса и обнаружило явное бунинское нерасположение к нему (см. письма Кусковой Бунину от 6 марта и 1 апреля 1942 года: РАЛ. MS 1066/3472 и MS 1066/3474). Ср. историю о несостоявшемся издании «Темных аллей» на французском языке в мемуарах А. В. Бахраха, относящего ее к осени 1941 года и называющего А. Жида посредником в переговорах Бунина с «неким швейцарским издателем»: в обоих случаях, помимо других причин, неприемлемыми для публикации оказались рассказы «Натали» и «Три рубля» (Бахрах А. В. Бунин в халате. С. 49–50, 214–221; см. также: Устами Буниных. Т. 3. С. 114). После войны Кускова, вероятно, снова решила содействовать появлению рассказов Бунина в швейцарской печати, опять же с участием В. Г. Иоллоса. 23 октября 1945 года, в первом же письме после трехлетнего перерыва она спешила сообщить Бунину: «Сейчас пишу Вам вот по какому поводу. Ив. Ив. Манухин или Тат. Ив. <Манухина> передадут Вам крошечную сумму (1 800 fr.) за Ваш рассказ из первого № „Рус<ских> нов<остей>“. Вл<адимир> Гр<игорьевич> Иоллос (кот<орого>, кажется, Вы не любите) его перевел и напечатал в „Neue Zür<cher> Zeitung“. Швейцарцам он очень нравится. Но т. к. рассказ был уже напечатан в другой газете, то плата за него такая крошечная, в Париже, кажется, на два хороших обеда в ресторане... Простите Иоллоса за то, что он предварительно не спросил Вашего разрешения. Но здесь надо ковать железо, пока горячо: редакция согласилась, надо было дать тотчас же» (РАЛ. MS 1066/3479; речь идет о рассказе «Холодная осень», опубликованном в «Русских новостях» 18 мая 1945 года). Возможно, этот случай (отстоящий от даты записи на два с половиной года) был не единственным. Уверения Кусковой в человеческой порядочности и драматической судьбе Иоллоса не нашли отклика у Бунина.

² Часть слова оторвана и восстанавливается по записи В. Н. Буниной.

23 августа 1948 года

(х) Понедельник 23 авг. 48 г., 5 ч. дня.

Сейчас случайно развернул свою «Деревню» на тех страницах, где Кузьма благоговяет Молодую и Дениску, — и залились глаза слезами. До чего много в «Деревне» соверш<енно> оригинального, сильного, прекрасного, за душу хватающего! А сколько лет, вспоминая о «Деревне», я не ценил ее! В *общем* это книга замечательная, редчайшая, одна из самых лучших во всей русской литературе. И опять, опять дивлюсь себе: ведь и «Деревня» вся *выдумана* мною!¹

РАЛ. MS 1066/550 (записная книжка). Л. 11.

¹ Изменение соотношения между «реальным» и «художественным» Бунин считал одним из главных событий своего писательства, см. в его письме М. Алданову от 2 сентября 1947 года: «В молодости я очень огорчался слабости своей выдумывать темы рассказов, писал больше из того, что видел, или же был так лиричен, что часто начинал какой-нибудь рассказ, а дальше не знал, во что именно включить свою лирику, сюжета не мог выдумать или выдумывал плохонький... А потом случилось нечто удивительное: воображение у меня стало развиваться „не по дням, а по часам“, как говорится, выдумка стала необыкновенно легка, один Бог знает, откуда она бралась, когда я брался за перо, очень, очень часто еще совсем не зная, что выйдет из начатого рассказа, чем он кончится (а он очень часто кончался совершенно неожиданно для меня самого, каким-нибудь ловким выстрелом, какого я и не чаял): как же мне после этого, после такой моей радости и гордости не огорчаться, когда все думают, что я пишу с такой реальностью и убедительностью только потому, что обладаю „необыкновенной памятью“, что я все пишу „с натуры“, то, что со мной самим было, или то, что я знал, видел!» (цит. по: Алданов М. <Предисловие> // Бунин И. А. О Чехове. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 18–19).

19 июня 1949 года

19 июня 49 г.

Вспомнил себя в Полтаве (время Женжуриста, какой год?),¹ свою переписку с Лебедевым (П<е>т<ер>б<ург>)² — кто так менялся в жизни, в писательстве, как я?

РАЛ. MS 1066/540. Автограф. Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной.

¹ Бунин познакомился с семьей Ивана Мироновича (1863–1920) и Лидии Александровны (1870–1942) Женжуристов в конце июня 1891 года, когда ездил к брату Юлию в Полтаву, и его первые впечатления отразились в письмах тех дней к В. В. Пашенко, см.: Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. С. Н. Морозов. М., 2003. С. 94–98. Хозяйка дома о появлении юного Бунина позднее вспоминала так: «Появился он неожиданно не только для всех нас, но и для брата. Едва успел он помыться и переодеться, как я набралась храбрости и позвала его на качели. Предложение было встречено дружным хохотом, Ванечка же отозвался на него с восторгом» (*Женжурист Л. А. <Из воспоминаний о Полтаве>* // Лит. наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 243). Возможно, этот эпизод сохранился и в памяти Бунина, став одним из далеких прообразов его рассказа «Качели» (1945). В 1892–1894 годах, когда Бунин жил в Полтаве, он часто бывал в доме Женжуристов, где собирались «люди интересные, идейные <...>, с политическим прошлым, находившие себе приют только в таких прогрессивных учреждениях, как земская статистика» (по ней служили и оба брата Бунина), и обсуждались вопросы и народничества, и революционного движения, и толстовства (Там же. С. 239). Косвенное и вместе с тем критическое описание этого кружка (отнесенное к Харькову) см. в «Жизни Арсеньева» (кн. 4, гл. XII–XIII).

² Наиболее важные фрагменты переписки Бунина с критиком, секретарем редакции петербургского журнала «Север» В. П. Лебедевым, приветствовавшим первые шаги провинциального автора в столичных журналах, а также его рецензия на первый поэтический сборник Бунина «Стихотворения 1887–1891 гг.» (Орел, 1891) отражены в «Летописи жизни и творчества И. А. Бунина» (Т. 1. С. 128–129, 131–135, 142 и др.).

20 июня 1949 года

20 июня.

Прочел «Русалку». ¹ [Вот] Изумительно!

РАЛ. MS 1066/540. Автограф, на одном листе с записью от 19 июня 1949 года. Датируется по ней.

¹ Вероятно, имеется в виду написанное В. В. Набоковым продолжение «Русалки» А. С. Пушкина, опубликованное в том же номере «Нового журнала» (1942. Кн. 2), что и «Натали» Бунина. Сам номер журнала должен был быть у Бунина по крайней мере с июня 1946 года, когда из Нью-Йорка в Париж прилетела М. С. Цетлина (в свободную Швейцарию номер пришел раньше, отзыв о нем см. в письме Кусковой Бунину от 25 июля 1942 года: РАЛ. MS 1066/3476). О тексте Набокова см., в частности: Долинин А. А. Загадка недописанного романа (1997) // Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004. С. 278–293; Фомичев С. А. Набоков — соавтор Пушкина (Заключительная сцена «Русалки») // А. С. Пушкин и В. В. Набоков: Сб. докладов международной конференции 15–18 апреля 1999 г. СПб., 1999. С. 315–332. Текст Набокова мог восприниматься Буниным в том числе на фоне работ о «Русалке» В. Ф. Ходасевича (см. его статью «„Русалка“: Предложения и факты (Глава из книги «Поэтическое хозяйство Пушкина»)» (Современные записки. 1924. Кн. 20. С. 302–354) и соответствующие фрагменты из первого издания книги «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л., 1924. С. 106–156)). Доклад Ходасевича «Почему Пушкин написал „Русалку“» Бунин слышать не мог (он был в это время в Грассе), но мог читать о нем (Клуб писателей <Объявление> // Рувль. 1923. 7 окт.) или слышать отклики, когда вернулся в Париж в начале ноября 1923 года.

9 сентября 1949 года

9 сент. 49 г.

На днях перечитал «Thaïs» А. Франса.¹ До [удивительности] удивления плохо!

РАЛ. MS 1066/550 (записная книжка). Л. 25.

¹ Роман Анатоля Франса «Таис» (1889).

2–3 октября 1949 года

Ночь со 2 на 3 окт. 49 г.

Все одни и те же думы, воспоминания. И все то же отчаяние: как невозвратно, непоправимо! Много было тяжелого, было и оскорбительное — как допустил себя до этого! И сколько прекрасного, счастливого — и все кажется, что не ценил его. И как много пропустил, прозевал — тупо, идиотски! Ах, если бы воротить! А теперь уже ничего впереди — калека, и смерть почти на пороге.

РАЛ. MS 1066/541. Автограф.

24 октября 1949 года

Вчера, 10/23 окт. 1949 г., исполнилось мне 79 лет.¹

Господи, сохрани, помилуй. Здоровье все хуже. Пройду по комнате 5 шагов — и ноги подкашиваются, задыхаюсь, сердцебиение... И все это в такой бедности!²

Нынче Вера видела какого-то приятеля Керенского³ — Керенский зачем-то был в Лондоне,⁴ оттуда явился в Париж, дал интервью сотруднику «Figaro»,⁵ — тот все величал его «Monsieur le President», — наболтал этому сотруднику нечто совершенно ничтожное, затем зачем-то сбежал в Женеву, — верно, к Кусковой,⁶ которая тоже все еще не может забыть прекраснейшую бардель <так!>, «февральскую революцию»,⁷ — теперь опять хлестаковствует в Париже, и вот этот приятель его говорит, что он, Керенский, «все такой же, как всегда был, только стал седой, но весел, бодр...» Ужели и до сих пор не понимает, что наделал вместе с прочими, которые встретили Ленина на вокзале с музыкой⁸ и не посмели тронуть его и потом, вплоть до «октября», то есть «угробили» не только Россию, но вот уже половину земного шара — вследствие тридцатидвухлетнего царствия «марксизма-ленинизма-сталинизма»?⁹ Он «весел, бодр, напевает»...¹⁰

РАЛ. MS 1066/550 (записная книжка). Л. 23–23 об.

¹ Бунин родился 10 (22) октября 1870 года. См. прим. 1 к записи от 14 октября 1946 года.

² Весь этот фрагмент отчеркнут на полях красной шариковой ручкой (основной текст написан синей шариковой ручкой).

³ Кто имеется в виду, установить не удалось.

⁴ В Лондоне А. Ф. Керенский, в частности, выступил на BBC с речью о судьбе советских военнопленных и новом этапе отношений между советским руководством и эмиграцией («поколением Ди-пи»), ее запись сохранилась: <http://www.bbc.com/russian/features-39579290> (дата обращения: 31.01.2019).

⁵ Речь идет о заметке: *M. Bd. La démocratie sera rétablie en U.R.S.S., si... déclare M. Alexandre Kerensky au Figaro // Le Figaro. 1949. 20 oct. № 1591. P. 1, 8.*

⁶ Кускова Екатерина Дмитриевна (урожд. Есипова, в первом браке Ювеналиева, во втором Кускова, в третьем Прокопович; 1869–1958) — общественно-политическая деятельница, публицистка, активнейшая участница событий 1917–1921 годов. В 1922 году выслана в Берлин, жила в Праге, с 1939 года в Женеве, печаталась в газете «Новое русское слово» и в «Новом журнале». Вероятно, Бунин был знаком с ней с 1900-х годов по Литературно-художественному кружку и через брата, Ю. А. Бунина (Кускова вспоминала о нем в письме к Бунину от 12 ноября 1945 года). Ее письма к Бунину 1930–1952 годов (в том числе о попытках устроить издания его переводов, а ему самому найти пристанище в Швейцарии в годы войны) см.: РАЛ. MS 1066/3460–3491.

⁷ От слов «которая тоже...» отчеркнуто на полях красной шариковой ручкой.

⁸ Сам Керенский Ленина и прибывших с ним революционеров-эмигрантов на Финляндском вокзале Петрограда в ночь на 4 апреля 1917 года не встречал, приветственную речь тогда говорил глава Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов меньшевик Н. С. Чхеидзе.

⁹ От слов «„угробили“ не только Россию...» отчеркнуто на полях красной шариковой ручкой.

¹⁰ Ср. с записью в дневнике В. Н. Буниной от 12 ноября 1949 года: «Был у нас Керенский. Сидел полчаса. Пил белое вино, ел финики, виноград. Он стал седой, тихий, менее нервен. Разговор носил частный характер. Ян рассказывал о своем посещении Богомолова. Он смеялся» (Устами Буниных. Т. 3. С. 194; Бунин посетил посла СССР А. Е. Богомолова в конце 1945 года). Задолго до этого (в 1932 году), перечисляя российских правителей, Бунин назвал Керенского «неврастенический Онегин с моноклею в глазу» (*Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подг. текста, предисловие и комм. А. К. Бабореко. М., 1995. С. 261*).

<январь–февраль 1950 года>

30 лет, как я покинул Россию¹ (значит, это написано в 1950 году).

РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной (ей же, очевидно, принадлежит и пояснение в скобках).

¹ Бунин обращается к событиям начала февраля 1920 года (по н. ст.): 6 февраля, когда в Одессу уже входили большевики, он и В. Н. Бунина вместе с толпой беженцев погрузились на греческий пароход, который на следующий день перешел на внешний рейд и 8 или 9 февраля отправился в путь до Константинополя.

29 марта 1950 года

Замечательная китайская пословица: «На тигре можно ехать, но слезать с него нельзя».¹

Вот Сталин и не слезает. Русский народ на тигра мало похож, но зверством обладает в достаточной мере.

Перечитал «Три сестры» Чехова. Адова скука!² 29.3.1950.

РАЛ. MS 1066/550 (записная книжка). Л. 28.

¹ Наиболее распространенная версия возникновения этой пословицы такова: в 328 году генерал Сунь Цзюнь собрал большую армию и захватил столицу династии Восточная Цзинь — Цзянькан (современный Нанкин). Министр двора Вэнь Цзяо решил восстановить власть императора, а сомневающемуся в успехе военачальнику Тао Кан сказал: «В сложившейся ситуации нам отступать некуда и выбора у нас нет. Это все равно что пытаться слезть с тигра. Сделать это

можно, только убив тигра», — и императорские войска победили армию бунтовщиков. Источник, по которому Бунину была известна эта история, не установлен.

² Бунин всегда был невысокого мнения о чеховских пьесах. В частности, вот как вспоминал об этом В. М. Зернов, лечащий врач Бунина в последние годы жизни: «Постоянно говорил о Чехове, которым в то время усиленно занимался <...>: с восхищением о чеховских повестях и рассказах, с раздражением и даже недоумением о пьесах, лиризм которых находил нестерпимо слащавым. „И ты улыбнешься, мама!“ — издевательски повторял он, подражая манерности плохих актрис. „Мы отдохнем, мы увидим небо в алмазах...“ По его убеждению, в том, что Чехов, наделенный от природы острейшим слухом к фальши, ввел этот дешевый лиризм в свои пьесы, повинна его жена, Книппер, и сделано это было будто бы в уступку ей и ее театральному окружению» (цит. по: *Бабореко А. К.* И. А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917. 2-е изд. М., 1983. С. 317).

17–18 марта 1950 года

Ночь с 17 на 18 марта 1950 г.

Давно ли я, шутя, говорил экспромты Раговскому,¹ величайшему бабнику:

Резвится зефир по лугам и полям,
Раговский рога наставляет мужьям.

И вот он уже недели две лежит в своем громадном гробу, задавленном землей, в могиле, и что происходит в этом гробу с его огромным телом! Нет в мире ничего страшнее и омерзительней! И за что, почему дан *такой* конец всяческой человеческой жизни! И все-таки живем, не сходим с ума от ужаса, не бьемся головой об стену.

РАЛ. MS. 1066/550 (записная книжка). Л. 27 об.

¹ Роговский Евгений Францевич (Раговский, 1885–1950) — директор Русского дома в Juanes-Pins на Лазурном берегу, где Бунин отдыхал каждой весной 1947–1950 годов (в последний раз уже после смерти Роговского), был известен и разнообразной политической (эсер) и общественной деятельностью: от должности петроградского градоначальника в 1917 году до участия в правлении «Groupe d'action des émigrés russes», сложившейся в годы войны вокруг В. А. Маклакова и стремившейся к сближению с советской Россией после ее победы.

10 декабря 1950 года

10 дек. 1950 г.

70-летие со дня рождения Рильке (Райнер Мария Рильке).¹

РАЛ. MS 1066/554 (записная книжка). Л. 3.

¹ С Р.-М. Рильке (1875–1926) Бунин познакомился весной 1925 года. «Написать о моей встрече с Рильке», — напоминал он себе в записной книжке 1944 года (РАЛ. MS 1066/548). «Милый, тихий, небольшой», — набрасывал впечатление от Рильке в их ту, единственную встречу еще через несколько лет (РАЛ. MS 1066/551). Уже после знакомства Бунин неоднократно перечитывал Рильке и высоко ценил его. См., в частности: *Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник. С. 102 (запись от 2 мая 1929 года). 8 марта 1931 года В. Н. Бунина отметила: «Ян за обедом говорил о Рильке, о том, что тот не боялся подражать, хотел найти Учителя. Потом вечером он читал из его переписки с Роденом о том, что главное счастье — работа и терпение и концентрация, а главное, с чем нужно бороться, это со *спешкой*. Какая во всем тонкость! Замечательное явление этот Рильке, какая самостоятельность и независимость мысли, суждений, какая смелость во всем!» (РАЛ. MS 1066/403). Вскоре в Грасс приехал Ф. А. Степун, и в один из первых дней (12 марта) они с Буниным «около часа говорили о религиозной философии Рильке» (*Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник. С. 209). «В полном восхищении» читают Рильке в доме Бунина и через год (Дневник В. Н. Буниной, запись от 13 января 1932 года: РАЛ. MS 1067/407). С другой стороны, и Рильке читал «Митину любовь» (см.: Райнер Мария Рильке о повести И. А. Бунина «Митина любовь» / Предисловие К. С. Сапарова // Вопросы литературы. 1966. № 9. С. 247–249), а с главным героем этой повести, ссылаясь на Рильке, В. Н. Бунина сравнивала мужа в наиболее драматический период его отношений с Г. Н. Кузнецовой (см. ее письма Бунину от 28 декабря 1934 года и от 27 июля 1936 года: РАЛ. MS 1067A/94 и MS 1067A/141).

17 января 1951 года

Книжечка стихов Алешки Толстого «За синими реками»¹ — литературная, лубочная, сусальная Русь. (Прочел ночью на 17 янв. 51 г.).

РАЛ. MS 1066/554 (записная книжка). Л. 2.

¹ Сборник стихов А. Н. Толстого «За синими реками» (М.: Гриф, 1911) стал его второй поэтической книгой. См. также записи от 9 марта 1945 года и 23 февраля 1953 года.

22–23 февраля 1951 года

А. Gide¹ умер в понедельник 19 февр. 51 года в 10 ч. 30 м. вечером. Нынче (ночь с четверга 22-го на пятницу 23-го) ночует уже в могиле.

РАЛ. MS. 1066/555 (записная книжка). Л. 4.

¹ Бунин и А. Жид познакомились 18 марта 1922 года в Париже, на лекции Жид о Достоевском в библиотеке «Vieux Colombier». Тогда Бунин записал в дневнике: «Жид не похож на художника, — пастор какой-то» (Устами Буниных. Т. 2. С. 81). Подробно об их отношениях, в том числе о готовности Жид помочь Бунину в военное время и встречах в Грассе и Ницце в августе — сентябре 1941 года, об их разговорах, в которых обнаружилось не только взаимное уважение, но и полное расхождение в литературных вкусах, см.: *Steel D. Conversations à Grasse: André Gide et Ivan Bounine (avec neuf lettres inédites) // Bulletin des amis d'André Gide. 2009. № 164. Vol. XXXVII. Octobre. P. 513–534; Бахрах А. В. Бунин в халате. С. 200–231; Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание. 2-е изд. М., 2009. С. 338–340. Записи в дневнике Жид, посвященные Бунину, и его письмо к 80-летию Бунина, написанное за пять месяцев до смерти, см.: Иван Бунин: [Сб. материалов]. Кн. 2. С. 380–387. См. также запись от 28 марта 1948 года.*

15 мая 1951 года

15 мая 51 г.¹

Не раз слышал я в детстве, как говорили про кого-нибудь:

— А ему и горя мало!

И вот садился я иногда в кабинете отца или в нашей детской, пригорюнившись, облокотясь на стол или на подоконник, подставив руку под голову, и когда меня спрашивали, что это я сажу такой грустный, отвечал, вздыхая:

— У меня горя мало!

[В недолгий срок после того я навсегда лишился]

Впоследствии [горя] его у меня бывало достаточно.

РАЛ. MS 1066/418. Автограф.

¹ Датировка Бунина и протяженность этой, в целом мемуарной, записи в его будущее позволяет рассматривать ее в ряду дневниковых записей; см. также во вступ. статье к публикации. Эпизод вошел в книгу В. Н. Буниной: *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. С. 34.*

17–18 мая 1951 года

Ночь с 17 на 18 мая 1951 г.

Продолжаю читать «Слепого музыканта» Короленки.¹ На редкость плохо!

Мои писания в старости. Это было чудо.²

Мое сальто-мортале на дороге.³

Данте у будущей Крыжановской.⁴

Заньковецкая.⁵

Вместо предисловия

Этюд с <натуры?> и т. д.

Итак: перелеты Есенина, Горького, Бальмонта, Блока

Воцарилась тишина⁶

Хамелеон.⁷

Я ходил через «пороги».⁸

Видел Ключева.⁹

Перечитываю в последний раз¹⁰ —

Нет, я не Байрон

избранник

*Гонимый небом странник*¹¹

Белеет парус

РАЛ. MS 1066/553 (записная книжка).

¹ Бунин познакомился с В. Г. Короленко в 1896 году и не раз встречался с ним на литературных собраниях в Москве, Петербурге и в свои ялтинские приезды 1900–1902 годов. По складу художественного дара они не были близки, и на идею Короленко о служении искусства правде Бунин отвечал: «Разве художник может говорить, что он служит правде, справедливости? Он сам не знает, чему служит, вот смотришь на голые тела, радуешься красоте кожи, причем тут справедливость?» (Дневник В. Н. Буниной, запись от 9 августа 1918 года: РАЛ. MS 1067/346). В 1951 году Бунин перечитывал Короленко после долгого перерыва. «Теперь у нас Короленко», — сообщила 18 апреля, за месяц до этой записи, В. Н. Бунина в письме к Г. Н. Кузнецовой (И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 158).

² См. также записи от 16 февраля 1953 года и 8–9 декабря 1952 года.

³ Вероятнее всего, Бунин вспоминает о происшествии, случившемся с ним летом 1923 года: лежа в траве у обочины дороги, он внезапно почувствовал приближение змеи и так резко подпрыгнул и перевернулся в воздухе, что перелетел через канаву и встал на ноги уже на шоссе, т. е., по собственным словам, «сделал то, что мог бы сделать лишь какой-нибудь знаменитый акробат или мой древний пращур, тигр, барс». Бунинская запись того времени заканчивалась выводом, к которому он приходил в разные и всегда очень значимые моменты своей жизни: «Мы не подозреваем, какие изумительные силы и способности еще таятся в нас с пещерных времен» (Устами Буниных. Т. 3. С. 114).

⁴ Вероятно, подразумевается автор исторических, оккультных и женских романов Вера Ивановна Крыжановская (в замуж. Семенова, псевд. Рочестер, 1857–1924), но о каком именно ее произведении идет речь, установить не удалось.

⁵ Спектакли с участием Марии Константиновны Заньковецкой (наст. фам. Адасовская, 1854–1934) Бунин видел в декабре 1890 года в Орле. «Ну, брат, Заньковецкая! Три раза плакал

от нее!..» — писал он тогда Ю. А. Бунину (Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 57). Впечатление от театральных представлений усиливалось в то время для него и тем, что в орловском музыкально-драматическом кружке принимала активное участие В. В. Пашенко (см. прим. 9 к записи от 9 марта 1945 года).

⁶ Запись сделана на полях вертикально.

⁷ Возможно, запись связана с постоянными мыслями Бунина об изменчивости его человеческой и писательской судьбы, см., например: «<...> я был так гибок, что во мне умерло несколько человек» (Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. С. 167; запись от 10 сентября 1930 года).

⁸ Через днепровские пороги Бунин «ходил» в конце мая — начале июня 1896 года, когда путешествовал по Малороссии и затем Крыму, см., в частности: Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 347–349.

⁹ Имя Н. А. Клюева встречается в письме Бунина Горькому, написанном из Москвы от 14 мая 1913 года: «На „Среде“ я два раза сделал скандал — изругал последними словами Серафимовича, начавшего писать à la Ценский <...> изругал поэтессу Столицу, упражняющуюся в том же роде, что и Клюев...» (Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов. С. 273). Значит, к этому времени Бунин был уже знаком если не с самим Клюевым (точными данными о времени их знакомства мы не располагаем), то, по крайней мере, с его произведениями (первые поэтические сборники Клюева вышли в 1912 году).

¹⁰ См. прим. 2 к записи от 14 октября 1944 года.

¹¹ У Бунина так; в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...» (1832): «Гонимый миром странник».

14 июня 1951 года

14 июня 51 г.

= В. В. Набоков-Сирин написал по-английски и издал книгу, на обложке которой, над его фамилией, почему-то напечатана царская корона.¹ В книге есть беглые заметки о писателях эмигрантах, которых он встречал в Париже в тридцатых годах, есть страничка и обо мне — дикая и глупая ложь, будто я как-то затащил <его> в какой-то дорогой русский ресторан (с цыганами), чтобы посидеть, попить и поговорить с ним, Набоковым, «по душам», как любят это все русские, а он терпеть не может.² Очень на меня похоже! И *никогда* я не был с ним ни в одном ресторане.³

РАЛ. MS 1066/551 (записная книжка). Л. 14.

¹ *Nabokov V. Conclusive Evidence*. New York: Harper & Brothers, 1951.

² От слов «поговорить с ним...» отчеркнуто на полях красной шариковой ручкой (основной текст написан синей шариковой ручкой).

³ Эта запись перекликается с письмом Бунина Алданову от 10 июня 1951 года, см.: С двух берегов. С. 182. Она опровергается письмами Набокова 1936 года. 28 января Набоков приехал в Париж и остановился у Фондаминских, куда сразу пришел живший неподалеку Бунин. Через полчаса после приезда, как следует из письма Набокова З. А. Шаховской от 2 февраля 1936 года, он уже «сидел с подвыпившим Иваном Алексеевичем в ресторане». В письме жене, отправленном 30 января 1936 года, Набоков подробно описал встречу с Буниным, обед в ресторане Корнилова (Chez Korniloff на rue d'Armaille) и общую встречу с Алдановым в кафе Мюра (La Murat в районе Отей): «...Алданов сказал, что когда Бунин и я говорим между собой и смотрим друг на друга, чувствуется, что все время работают два кинематографических аппарата». Цитаты из названных писем Набокова, а также историю этой и других парижских встреч Бунина и Набокова 1936 года см.: Шраер М. Бунин и Набоков: История соперничества. М., 2014. С. 94–105. В частности, здесь показано, что несколько отличающиеся друг от друга описания встречи в «Conclusive Evidence» (1951) / «Других берегах» (1954) и «Speak, Memory: An Autobiography Revisited» («Говори, память: Возвращаясь к автобиографии», 1966) контаминируют впечатления разных лет.

22–23 июня 1951 года

Ночь с 22 на 23 июня 51 г. 12 ½ ночи. Ночь темная, ровный, непрерывный дождь, — слышно, как мерно стучат по крышам капли. И каково думать, что скоро, — все-таки уже довольно скоро, — будет вот так же сыпать дождь на мою могилу! А думаю тупо. Слово этого никогда не будет. Удивительно! Да и что же в жизни не удивительно?

Литература ли эта запись? Не совсем. Но только «не совсем».

Лишиться всего, чем жил в этом мире, и всех своих человеческих способностей — нечто несказанное! И все-таки было бы — ну, терпимее, что ли, — если бы *не могла*, а просто исчезновение из мира, из жизни.

Горький умер, (убит) уже 15 лет тому назад. Убит, пережив убийство сына, в которм души не чаял.¹ Дьявольски дорого заплатил за свою службу (с молодости) дьяволу и за славу благодаря этой службе!²

РАЛ. MS 1066/551 (записная книжка). Л. 23–23 об.

¹ М. Горький умер в Москве 18 июня 1936 года от воспаления легких. Весной 1938 года в ходе процесса антисоветского «правотроцкистского блока» обвинения в его смерти и смерти его сына М. А. Пешкова (1897–1934) были предъявлены бывшему наркому внутренних дел Г. Г. Ягоде, секретарю Горького и сотруднику ОГПУ П. П. Крючкову, врачам Л. Г. Левину, И. Н. Казакову и Д. Д. Плетневу. Версия об участии Ягоды и его ведомства в убийстве Горького открывала вопрос о причастности к делу Сталина.

² Последняя встреча Бунина с Горьким состоялась 4 апреля 1917 года в Петрограде. Бунин не простил Горькому его сотрудничества с большевиками и, когда в октябре 1917 года они оба оказались в Москве, отказался говорить с ним по телефону: «Я ответил, что говорить нам теперь не о чем, что я считаю наши отношения с ним навсегда конченными» (*Бунин И. А. Воспоминания. С. 129*). Первые же статьи, опубликованные Буниным во Франции в 1920 году, содержали непримиримую полемику с Горьким и оспаривание того впечатления, которое выразил в своих очерках о «горьковской России» Г. Уэллс: «О Горьком», «Суп из человеческих пальцев (Открытое письмо к редактору газеты «Таймс»)», «Красный гимн», «„Пресловутая свинья“», «Несколько слов английскому писателю» и др. (почти все они вышли в парижской газете «Общее дело», см.: *Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова. М., 1998. С. 63 и след., 493 и след. (комм.)*).

<1952 год>

1952-й год. Уже 32 года я лишен России! А что дала бы она мне, не будь этих лет!¹

РАЛ. MS 1066/457. Автограф Бунина на тетрадном листке, среди других недатированных записей. Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/458, машинопись.

¹ См. также недатированную запись в записной книжке Бунина (красной шариковой ручкой на всю страницу): «Что бы дала мне Россия за эти 30 лет! Дьявол играл в карты» (РАЛ. MS 1066/553. Л. 11).

30 ноября — 1 декабря 1952 года

Ночь на 1 дек. 1952 г.

Две недели терял кровь.¹ Нынче, слава Богу, нет.

Продолжаю приводить свой «архив» в порядок для отсылки в Америку в Архив.²

Нашел второй том Нивского издания моих писаний — рассказы, начинающиеся «Перевалом»: до ужаса все убого, слабо! Одно оправдание: писал что попало и как попало из-за своей нищеты, ужасной нищеты!³

РАЛ. MS 1066/556 (записная книжка). Л. 1.

¹ Бунин страдал геморроидальными кровотечениями.

² Имеется в виду Русский (ныне Бахметевский) архив при Колумбийском университете, основанный за год до этого, в 1951 году. Передача туда архива Бунина не состоялась, см.: *Neu-wood A. J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections. P. XXVIII*.

³ См. прим. 1 к записи от 14 октября 1944 года, а также запись от 2 декабря 1952 года.

2 декабря 1952 года

Посылаю завтра (3 дек. 1952 г.) довольно большое письмо Сазоновой: об издании ее книги обо мне, если она ее напишет,¹ — чему может помочь (если Вреден² ее не возьмет) моя смерть, все-таки неминуемая! — Пишу о себе, как об замеч<ательном> переводчике, обещаю прислать мои мистерии Байрона,³ о том, что скоро пошлю свой

архив (остатки погибшего)⁴ в Америку, о том, что я никогда не «оттачивал» своих произведений, что в молодости я писал из-за нужды и небрежности как попало, — стал как следует лет с 35,⁵ выписываю ей то, что Чехов писал Амф<итеатрову> о моем «Черноземе»,⁶ — и о том, что шлю ей *образцы* того много<го>, что писали мои критики, о том, что мои «Кратк<ие> рассказы» не тургеневское.⁷ Что я их не «подслушивал» и не заносил в «зап<исную> книжку», которой страшно мало пользовался, что 9/10 моих сочинений — вымысел, о глупости Ходасевича («обрезки, не вошедшие в произведения»)⁸.

Пошлю завтра ей и пакет образцов критики обо мне — *не по авиону*.

РАЛ. MS 1066/459. Автограф. Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной.

¹ История ненаписанной книги Юлии Леонидовны Сазоновой (1884–1957) о Бунине стала одной из главных тем их переписки, см.: «Драгоценная скудость слов»: Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Ю. Л. Сазоновой (Слонимской) (1952–1954) / Вступ. статья К. Триббла; публ. К. Триббла, О. Коростелева и Р. Дэвиса // И. А. Бунин. Новые материалы. М., 2010. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. Упоминаемое Буниным письмо см.: Там же. С. 311–312.

² Вреден Николай Романович (Nicholas Wreden; 1901–1955) — директор Издательства им. Чехова, основанного в Нью-Йорке в 1951 году. См. комментарий к переписке Бунина с Сазоновой (Слонимской): Там же. С. 294.

³ В 1900-е годы Бунин перевел мистерии Дж. Г. Байрона «Каин», «Небо и земля», а также поэму «Манфред».

⁴ В мае 1940 года, будучи в Париже, Бунин разделил свой архив: часть отдал в Тургеневскую библиотеку, часть взял с собой в Грасс; обе части во время войны уцелели. Почему он пишет о своем архиве как о «погибшем», не ясно. Подробнее см., в частности, в примечаниях к его письму Сазоновой от 3 декабря 1952 года: Там же. С. 312.

⁵ См. прим. 1 к записи от 14 октября 1944 года.

⁶ Речь идет о фрагменте из письма Чехова А. В. Амфитеатрову от 13 апреля 1904 года: «Пишу я теперь мало, читаю много. <...> Сегодня читал „Сборник“ изд. „Знания“, между прочим горьковского „Человека“, очень напомнившего мне проповедь молодого попа, безбородого, говорящего басом, на о, прочел и великолепный рассказ Бунина „Чернозем“. Это в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление, и я рекомендую его Вашему вниманию» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1951. Т. 20. С. 268; 13–20 тома этого собрания с пометами Бунина см.: РАЛ. MS 1066/10487–10494; этот фрагмент отчеркнут на полях).

⁷ Еще в «Автобиографической заметке» (1915) Бунин иронизировал над критиками, которые находили, что в его произведениях «есть что-то тургеневское, есть что-то чеховское» (Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 265). В данном случае он, видимо, предостерегал от сравнения своих миниатюр из книги «Божье древо» (Париж, 1931) с тургеневскими «Стихотворениями в прозе». В откликах на бунинский сборник этот вопрос решался по-разному: П. М. Бицилли считал, что «„Божье древо“ прямой рендант к „Стихотворениям в прозе“ Тургенева и что это «бьет в глаза» (Числа. 1931. № 5. С. 223), а Ф. А. Степун, напротив, отклонял тургеневское «родословие» этих рассказов и возводил его к рассказам австрийского писателя Петера Альтенберга и философским фрагментам С. Кьеркегора (Современные записки. 1931. Кн. 36. С. 486–489).

⁸ Имеется в виду рецензия В. Ф. Ходасевича на «Божье древо», опубликованная в газете «Возрождение» (1931. 30 апр. № 2158). Вырезку из газеты с пометами Бунина см.: РАЛ. MS 1066/8213. В предложении «Все они (рассказы из «Божьего древа». — Т. Д.) более или менее похожи на мимолетные записи, на заметки из *записной книжки*, сделанные „для себя“ и лишь случайно опубликованные» Буниным подчеркнуты слова, выделенные здесь курсивом, на полях стоит знак «х». Далее Ходасевич писал: «Читатель может, пожалуй, и в самом деле принять их либо за подготовительные наброски, <...> либо — наоборот — за те остатки, обрезки, не вошедшие в дело куски материала». Ремаркой «Вздор» Бунин отметил следующий фрагмент: «Вполне возможно, что таково и было происхождение хотя бы некоторых отрывков, ныне образующих эту книгу. До нас, однако ж, они доходят только теперь, после того, как подверглись строгой и мастерской обработке. Если они и инспирированы, как наброски или записи, сделанные мимоходом, полунебрежно, — то это, конечно, только хорошо рассчитанный прием, только сложная и слегка лукавая маскировка упорного и вдумчивого труда». О коротких рассказах см. выше запись Бунина от 28 апреля 1944 года.

3 (4?) декабря 1952 года

Вчера (2 дек.) послал авион Терентьевой,¹ об оскорбительном отношении ко мне «Чех<овского> И<здательств>а».²

РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной. Возможно, имеет место хронологический сбой на один день: ср. дату в записи и цитируемое ниже письмо Бунина Т. Г. Терентьевой от 3 декабря 1952 года.

¹ Терентьева Татьяна Григорьевна (1908–1986) — помощница директора Издательства им. Чехова Н. Р. Вредена.

² В 1952 году в Издательстве им. Чехова (Нью-Йорк) вышло «первое полное издание» «Жизни Арсеньева» и готовились к печати сборники Бунина «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар» (вышли в феврале 1953 года). Переговоры об этом Бунин вел с июля 1952 года; 16 сентября он послал Терентьевой перечни рассказов, которые должны были войти в его последние книги (РАЛ. MS 1066/647). Первое осложнение возникло в сентябре, когда Бунин узнал, что в его сборники собираются включить предисловие М. Алданова («Мне восемьдесят два года. Я Бунин, известный в литературе всему миру <...>: ужели я нуждаюсь в чьей бы то ни было рекомендации!» — РАЛ. MS 1066/5518, письмо от 27 сентября 1952 года), затем в октябре, получив смутившее его сообщение Терентьевой в письме от 9 октября: «Ваша книга (оба тома) вчера пошла в набор» (Бунин не мог понять, о какой из книг со сдвоенным названием, или сразу об обеих, идет речь), Бунин счел себя глубоко оскорбленным. Недоразумение быстро разрешилось: Терентьева пояснила, что речь идет о двух книгах, но Бунин продолжал бушевать и послал Терентьевой следующее письмо: «3 дек. 1952 г. / Дорогая Татьяна Георгиевна, прочтите Вашей издательской коллегии то, что писал Чехов Амфитеатрову обо мне почти 50 лет тому назад. Он писал (можете это найти на странице 268, в 20-м томе писем Чехова, изданных недавно в Москве): <...; далее следует цитата, приведенная в прим. 6 к записи от 2 декабря 1952 года — Т. Д.> И вот прошло, повторяю, 50 лет с тех пор — и что бы сказал Чехов *теперь* обо мне, прочтя написанное мною за эти почти 50 лет и узнав, что я с полным правом и навсегда занял одно из *первых мест во всемирной литературе, а не только русской*, и как поражен был бы он, что *Издательство его имени так оскорбительно относится ко мне*, издав за время почти двухлетнего существования *только одну* мою книгу! Эта книга вызвала не только единодушное восхищение, но даже изумление своими достоинствами; но изменило ли это что-нибудь в отношении Издательств>ва ко мне? Ничуть! Еще в конце лета дал я ему 2 моих других книги, *но вот уже декабрь, а они все еще валяются в типографии, ожидая набора!* Спасибо, спасибо. Ваш Ив. Бунин» (РАЛ. MS 1066/5520; черновик письма синей шариковой ручкой, в котором часть подчеркиваний сделана красной шариковой ручкой). Терентьева завершила Бунина: «С книгами все благополучно, Галина Николаевна <Кузнецова> уже кончила гранки, и как только страницы будут сделаны, пошлем их Вам. Обе книги выйдут в свет 28 февраля — ровно через год после выхода „Жизни Арсеньева“» (РАЛ. MS 1066/5530), — так оно и было. См.: РАЛ. MS 1066/5512–5536 (письма Т. Г. Терентьевой, черновики и копии писем Бунина), а также: РАЛ. MS 1066/549. Л. 36–38 (набросок письма Бунина от 15 октября 1952 года в записной книжке).

5 декабря 1952 года

Послал нынче — 5 дек. 52 г. — большое письмо авион Галине — поздравление, сообщение письма Терентьевой об оскорбительном отношении ко мне Чеховск<ого> И<здательств>ва, об Авилевой.¹

РАЛ. MS 1066/459. Автограф. Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной.

¹ Письмо Бунина Кузнецовой (она держала корректуру обеих книг) не известно. Поздравление — с днем рождения (Кузнецова родилась 10 декабря 1900 года). Отношения Чехова и Л. А. Авилевой были предметом постоянных мыслей Бунина во время его работы над книгой о Чехове. См. также прим. к двум предыдущим записям и письма Бунина к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун от 27 декабря 1952 года, 6 и 8 (к М. А. Степун) января 1953 года с благодарностями за их труды над его «злосчастными книгами» (И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 180–184).

8–9 декабря 1952 года

Ночь с 8 на 9 дек. 52 г.

Кровь продолжается, — уже почти месяц.¹

Юрий Морфесси²

Я будто бы «оттачивал» слог моих рассказов.³

РАЛ. MS 1066/556 (записная книжка). Л. 1 об.

¹ В той же записной книжке Бунин делает выписки из писем Чехова, в которых сообщения о написанных рассказах чередуются с упоминаниями о кровотечениях.

² Морфесси Юрий Спиридонович (1882–1949) — русский эстрадный и оперный певец.

³ Вероятно, продолжение заочного разговора Бунина с Сазоновой (см. запись от 2 декабря 1952 года). См. также записи от 17–18 мая 1951 года и 16 февраля 1953 года.

27–28 января 1953 года

= Замечательно! Все о прошлом, о прошлом думаешь и чаще всего *все об одном и том же в прошлом*: об утерянном, пропущенном, счастливом, неоцененном, о неправых поступках своих, глупых и даже безумных, об оскорблениях, испытанных по причине своих слабостей, своей бесхарактерности, недалёковидности и о неотомщенности за эти оскорбления, о том, что слишком многое, многое прощал, не был злопамятен, да и до сих пор таков. А ведь вот-вот все, все поглотит могила!

Ночь с 27 на 28 янв<аря> 53 г.

(Опять показалась кровь — третий месяц пошел с тех пор, как началась.)

РАЛ. MS 1066/542. Автограф. Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной.

16 февраля 1953 года

16 февр<алья> 1953 г. Париж.

С конца третьего десятилетия моей жизни и чем дальше, — вплоть почти до восьмидесяти лет, — все сильнее и сильнее становился мой художественный талант, достигая иногда просто чудодейственной изобразительности (при всей ее краткости, сжатости) лиц, событий, природы, так что никак не одну свою собственную жизнь пережил я на своем веку, а [еще и великое] множество и других, изданных мною в моих повестях, рассказах и даже стихотворениях.¹

РАЛ. MS 1066/465. Автограф. Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной.

¹ См. также записи от 17–18 мая 1951 года и 8–9 декабря 1952 года.

23 февраля 1953 года

23 февраля 53 г.

Вчера Алданов рассказал, что сам Алешка Толстой говорил ему, что он, Т<олстой>, до 16 лет носил фамилию Бостром, а потом поехал к своему мнимому отцу графу Ник<олаю> Толстому и упросил узаконить его — графом Т<олстым>.¹

РАЛ. MS 1066/543. Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной.

¹ Вопрос о происхождении А. Н. Толстого — был ли его отцом граф Н. А. Толстой или А. А. Бостром, второй (гражданский) муж его матери, А. Л. Толстой, — Бунин уже поднимал в мемуарном очерке «„Третий Толстой“» (1949), см.: *Бунин И. А. Воспоминания*. С. 201–236; рабочие материалы к очерку: РАЛ. MS 1066/381–389. См. также среди обрывочных недатированных записей Бунина: «Написать об Алешке, — как он солгал про нашу встречу, что до 16 л<ет> он был Бостром (и жена его лгала о его родстве с Л. Толст<ым>)» (РАЛ. MS 1066/715 (145); а также: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной). См. также записи от 9 марта 1945 года, 17 января 1951 года.

2 мая 1953 года

2 мая 53 г.

Это все-таки поразительно до столбняка! Через некоторое *очень* малое время меня не будет — и дела и судьбы *всего, всего* будут мне неизвестны! И я приобщусь к Фини-

кову, Раговскому, Шмелеву, Пантелеймонову..!!¹ И я только тупо, умом *стараюсь* изумиться, устраситься!

РАЛ. MS 1066/544. Автограф. Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/557, рукой В. Н. Буниной.

¹ Бунин перечисляет недавно умерших: врачей А. П. Финикова (1886–1951) и Е. Ф. Раговского (см. прим. 1 к записи от 17–18 марта 1950 года), а также И. С. Шмелева (1873–1950) и Б. Г. Пантелеймонова (1880–1950).

17–18 августа 1953 года

Я когда-то зачем-то переключивал в стихи то то, то другое из Апокалипсиса, из древних халдейских сказаний о Потопе (коиими, кстати сказать, очень воспользовались евреи), гимны огнепоклонников, гимны Митре — и вот в том самом подлейшем в мире первом номере журнала «Жупел», который стал издавать тотчас после царского «дарования всех свобод» в октябре 1905 года Гржебин и напечатал на обложке этого номера огромный голый человеческий зад, увенчанный царской короной, а в тексте, среди всякого прочего похабного острология, — революционного, конечно, — мои стихи, переложение гимна Митре, кои вполне можно было выдать за относящиеся к этой первой «октябрьской революции». ¹ И когда я увидел эти стихи в этом первом номере «Жупела», я с бешенством кинулся на Гржебина, — как смел он опоганить мое имя моим мнимым сотрудничеством в «Жупеле» и кто дал ему право печатать мои стихи в нем без моего ведома и разрешения, он мне нагло ответил, что право это ему дала революция и что [не такое теперь время] наплевать ему на все мои «фигли-мигли» насчет моих авторских прав...

Постыднее всего то, что я не только не дал ему как следует в морду тогда, но по своей истинно преступной беспечности махнул на всю эту историю рукой, а впоследствии появился в его альманахе «Шиповник» с каким-то своим рассказом.²

«Песни мстителя» Бальмонта, нечто несказанное по буйному кретицизму, по низости самого низкого мерзавца и подхалима, я прочел только недавно — лет пять тому назад, здесь, в Париже. Знай я эти «Песни» [при жизни Бальмонта] раньше, я бы никогда на порог к себе не пустил Бальмонта ни в России, ни в эмиграции.³

А Горький? И о нем я узнал многое, многое только теперь.

Ночь с 17 на 18 авг. 1953 года

РАЛ. MS 1066/594. Автограф. На полях первой страницы записи: «Найти эти стихи: „Ни алтарей, ни истуканов...“». Кроме того, см.: РАЛ. MS 1066/595–597, машинопись.

¹ Из всех подразумеваемых стихотворений Бунина — переложений из Апокалипсиса «День гнева» и «Сын Человеческий», «Эльбурс», в котором упомянут Митра, «Потоп» с подзаголовком «Халдейские мифы» — в издававшемся З. И. Гржебиным журнале «Жупел» (1905. № 1 (декабрь)) было опубликовано только одно — «Ормузд» («Ни алтарей, ни истуканов...»), в котором отражен миф зороастризма, религии огнепоклонников.

² Имеется в виду рассказ Бунина «Астма» (в поздней ред. «Белая лошадь»), опубликованный в кн. 3 альманаха «Шиповник» (СПб., 1907).

³ Проникнутая революционными мотивами книга стихов К. Д. Бальмонта «Песни мстителя» вышла в 1907 году в Париже (к распространению в России была запрещена). О взаимоотношениях Бунина и Бальмонта в годы эмиграции (они были знакомы с 1895 года) прежде всего см.: Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину / Вступ. заметка Ж. Шерона; публ. и прим. Р. Дэвиса и Ж. Шерона // С двух берегов. С. 22–81.

7 сентября 1953 года

К рассказу, вчера задуманному: попугай кричит *картавя*.
7.IX.53

MS 1066/551 (записная книжка). Л. 17.